

Студенты ведут себя, как нельзя лучше: ни малейшей шалости. О библиотеке скоро представлю Вам ученое исследование Фойгта. Мы рассуждаем с ним о сажене. Много хорошего сделать невозможно. Каталог доведен почти до 7000 номеров. За сей работой другие потребуют каждая много времени, терпения и трудов.

Не испытывая более Вашего терпения и не отнимая у Вас более времени, которое Вы умеете посвящать трудам, я оканчивая письмо засвидетельствованием Вам отличного моего уважения, с которым и всегда буду называться,

Милостивой государь,
Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829 Генв[аря] 15.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «25 генв[аря] 1829».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете,
№ 7.

285

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
17 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Правление представляет длинное описание того, что им по требованию ревизирующей Комиссии до сих пор было сделано. Мы были довольно с нею терпеливы, хотя могли видеть, на каких правилах с нами поступают. Теперь уже слишком далеко простирается ее неблагонамеренность и слишком обнаруживается желание принести нас в жертву. Она думает, что с ее изворотами останется в стороне и что никогда не будет принуждена оправдывать себя, лишь бы не переставала обвинять нас. Настает время обратиться к Вам. Я припоминаю, что Вы мне сказывали, будто отклонили от себя принять председательство в Комиссии, предоставляя себе право защищать нас. Мы нуждаемся в этом покровительстве уже давно и просили Вас о нем, когда изъясняли, сколько обременительно давать ответы по посылаемым вопросам Комиссией; что Канцелярия Правления недостаточна и при обыкновенном ходе дел; что с учреждением Комиссии не вздумали увеличить числа чиновников в Университете; что, кроме сего недостатка, явная несправедливость обременять нас и их очищением дел, запущенных другими; наконец, что Комиссия во зло употребляет обязанность нашу давать ей объяснения и что она, кроме случаев недоразумения своего, наглым образом заставляет нас работать вместо себя, требуя составления ведомостей, разных выписок из дел, чтобы могла

и обязана сама делать после того, как забрала к себе все бумаги, которые ко времени обревизования счетов относятся. Этого всего еще было не довольно. Намерение Комиссии держать нас в кабале всеми средствами, даже не заботясь о благовидности предлогов, и винить нас перед г. министром, будто бы все дело стоит за одними нами. Например, Комиссия замечает Правлению, что в книге кассира не во всей подробности описано, за что и почему какая сделана выдача денег. Замечание нелепое; иначе в книги кассира должны бы войти все журналы о денежных выдачах и все отчеты. Того более нелепо толкование Комиссии, что в статьях книги у кассира должно быть выставлено, по какому журналу определена выдача и в каком деле надобно об ней смотреть. Как бы то ни было, если действительно должны быть так ведены шнуровые книги; то пусть Комиссия с окончанием своего поручения донесет о таком опущении Университета и укажет, какому подлежат лица взысканию по законам. Чем же мы теперь виноваты, что это было при директоре Владимирском, и чем же Владимирский прав, что он выбыл из Университета. Нам вместо него надобно теперь бороться с Комиссией, когда мы не были и участниками в его делах. Правление отвечало Комиссии, что если нужны пополнения к статьям в книгах кассира, то пусть она именно скажет к каким и чего недостает. Это значит, что требование не могло уже к нам воротиться ближе трех месяцев, если бы Комиссия захотела заняться вопросами. Этого, видно, не было в расчете, и она замолчала. Другой пример: в § 90 Устава сказано, что верные копии с описей кабинетов должны находиться при делах Совета. Комиссия не находя другого случая придаться к Совету, взялась за этот и требует доставить к ней все описи. Спрашивается, с какою это целию сделано? Комиссия учреждена для проверки счетов, следовательно, прямая ее обязанность удостовериться в справедливости и согласии приходов с расходами. Она видит в книге у кассира, что деньги профессору выданы, в шнуровых книгах, веденных профессорами, что деньги на приход записаны и не расходованы, — чего ж ей более надобно. Единственно хочет запутать Совет, предполагая, что описей или нет или в чем-нибудь будет затруднение их доставить, после чего она может ссылаться, что Совет ей мешает оканчивать свое дело. Может быть Вам покажутся наши требования увеличенными, чтобы затруднить начальство; но я Вам на это скажу по совести, что мы гораздо справедливее в этом случае и гораздо умереннее Комиссии и что не смотря на это, большую бы нам милость оказали, если бы освободили от бедовой Комиссии, сказавши, в чем состоит наша обязанность и какая обязанность Комиссии; а не отдавали бы нас совсем уж на съедение людей паразитных и кабальных. Нам совсем нельзя иметь дело с ними, это неравный бой. Их нарядили исследовать незаконные расходы денег; а они сами расходуют деньги незаконно. Розен и Власов подряжают писцов, нанимают чиновников, потом утверждают, что и деньги им выдали, которые им и возвращаются. В наших делах таких примеров против законов нет. После этого мы вправе говорить, что нас

преследуют, а следователей наших закрывают. Так верно и будет продолжаться, покуда Вы не захотите нас защитить. Вы, на которых я надеюсь, зная Ваши достоинства, справедливость и потому всегда с почтением называюсь,

Милостивой государь,
Вашим почтеннейшим слугою
Николай Лобачевский

1829

Генв[аря] 17.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «27 генв[аря]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете,
№ 8.

Отрывок опубликован А. В. Васильевым в РБС, стр. 548 в примечании.

283

Письмо М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевскому
18 января 1829. Петербург

Г. Ректору

Письма Ваши от 31-го декабря и 3 генваря я имел удовольствие получить. — Искренне благодарен Вам за дружбу Вашу. Верьте, что я в чувствах моих к Вам никогда не переменюсь. Рисунок церковной двери получил. Не знаю, успею ли сделать. Посмотрим. Вещи стеклянные для физического кабинета заказал, также и колпак для престола. — Поспешите прислать дело по исследованию пр. Суровцова, а особенно годовой отчет, чтобы все сии могли еще меня здесь застать. — О Петровском ожидаю представления. Не торопитесь отпускать его. Удостоверьтесь хорошо [ли] студенты понимают методу.

Сегодня я посылаю новый, утвержденной уже Устав учебных заведений, к Паниным. Вы там можете его взять и по прочтении возвратить. Официально получится он еще недели через две.

Ожидаю с нетерпением представления о месте для обсерватории. Поспешите. Я уже докладывал о сем его светлости. О Ботаническом саде представлен, также о покупке книг для библиотеки. — Г. министр [К. А. Ливен] две недели был очень нездоров, но теперь ему гораздо лучше и начинает уже заниматься делами.

Ефебовского сделать надзирателем нехорошо. Вы сами согласитесь, что надзирателей должно выбирать с большею осторожностью. По новому штату назначается надзирателю 800 р. жалованья. Можно будет иметь хороших людей.

Поблагодарите Эрдмана, Симонова, Галкина за их письма. Не успел сегодня отвечать. Скажите им мой усердной поклон.